

православной Константинопольской патріархіи. На Парижскомъ конгрессѣ властно распоряжались побѣдившіе Россію Западно-Европейскіе опекуны Турціи, а дипломатія Турецкая играла даже болѣе жалкую роль, чѣмъ Русская. Не Турецкой дипломатіи, попавшей въ позорное рабство къ яко-бы благодѣтельствующимъ Турціи Европейскимъ державамъ, «обойти» искусственныхъ въ интригахъ дипломатовъ этихъ державъ!..

Не могу согласиться и съ нѣкоторыми «патріотическими» сужденіями достопочтеннаго профессора И. И. Соколова. Напр., на стр. 723 онъ говоритъ: «Противодѣйствіе на мѣстѣ (въ Константинополѣ) было на столько сильно, что даже могучій голосъ знаменитаго святителя (Филарета, митрополита Московскаго) не всегда господствовалъ надъ безпорядочной разногласицей Турецкихъ министровъ, Европейскихъ дипломатовъ, геронтовъ и свѣтскихъ представителей Греческаго народа».—По прочтеніи этихъ «патріотическихъ» словъ, позволительно спросить: «да, вообще господствовалъ ли?» Конечно, голосъ митрополита Филарета былъ силенъ въ Россіи. Но... Турецкіе министры, Европейскіе дипломаты, даже геронты и свѣтскіе представители Греческаго народа руководствовались своими авторитетами, своими интересами, какъ ихъ понимали, а отнюдь не «могучимъ голосомъ» Филарета, который былъ для нихъ совѣтъ не указъ.

При изданіи своей книги авторъ употребилъ великое стараніе; однакожъ, встрѣчаются очень важныя неисправленныя опечатки. На стр. 175,5 напечатано: «по своей обузданности», вмѣсто: «по своей необузданности», на стр. 261,10—«какъ обозрѣніе было до Христа», вмѣсто: «какъ обрѣзаніе было до Христа»; на стр. 313,16—«генеральный совѣтъ» вмѣсто: «генеральный синодъ».

Еще одно пожеланіе исправленія: авторъ пишетъ-то Кораи, то Кораисъ, то Ипсиланти, то Ипсилантисъ и т. д. (см. стр. 79, 95, 157, 160, 184 и др.). По моему мнѣнію, лучше держаться одной какой-нибудь транскрипціи.

Въ заключеніе еще разъ не могу не привѣтствовать капитальнаго труда И. И. Соколова. Желательно быстѣйшее и широкое его распространеніе, но вмѣстѣ съ этимъ желательно также, чтобы при второмъ изданіи своей книги онъ исправилъ неизбѣжныя во всякомъ трудѣ недостатки, особенно когда этотъ трудъ появляется на свѣтъ въ первый разъ.

О. Кургановъ.

F. Chalandon. *Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène (1081—1118)*. Paris, A. Picard et Fils, éditeurs, 1900, LII+346 стр. 8°. (Mémoires et documents publiés par la Société de l'Ecole des Chartes, IV).

Рядъ отдѣльныхъ монографій о царствованіяхъ византійскихъ императоровъ,—монографій, написанныхъ на основаніи, по возможности, всего доступнаго матеріала, уже давно признанъ желательнымъ и необходимымъ

для болѣе полного и глубокаго изученія византійской исторіи. Къ сожалѣнію, подобныя работы существуютъ далеко не для всѣхъ императоровъ, и въ этомъ отношеніи особенно мало сдѣлано для второго періода византійской исторіи, періода слабости и упадка, а именно — для времени Латинской имперіи и послѣдней византійской династіи Палеологовъ.

Авторъ выше названнаго труда остановился на царствованіи Алексѣя Комнина, время котораго, какъ извѣстно, тѣсно переплетается съ первыми крестоносными движеніями. Послѣдняя сторона царствованія Алексѣя, его отношенія къ крестоносцамъ, благодаря трудамъ Зибеля, Куглера, а въ послѣднее время Röhricht'a, Hagenmeuer'a и др., несравненно лучше и глубже изучена, чѣмъ другія стороны, т. е. его отношеніе къ норманнамъ, туркамъ, сербамъ; исключеніе составляютъ печенѣги и половцы, которые нашли превосходнаго толкователя въ лицѣ В. Г. Васильевскаго. Обзоръ внутренняго управленія за время Алексѣя также ждалъ своего историка. Для своего времени хорошая монографія Вилькена (*Rerum ab Alexio I, Ioanne et Manuele Comnenis gestarum libri IV, Heidelberg, 1811*), конечно, теперь уже не удовлетворяла ни требованіямъ современной науки, ни современному состоянію источниковъ.

Шаландонъ, остановивъ свой выборъ на этомъ царствованіи, отнесся къ своей задачѣ весьма основательно и серьезно; онъ не отступилъ ни передъ такимъ труднымъ источникомъ, какъ письма Теофилакта Болгарскаго, ни передъ трудами русскихъ ученыхъ, занимавшихся этой эпохой.

Алексѣй I Комнинъ, говоритъ авторъ, занимаетъ значительное мѣсто какъ въ исторіи Византіи, такъ и въ исторіи всеобщей. Будучи основателемъ династіи, Алексѣй I далъ византійской политикѣ направленіе, которое она должна была сохранять въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Его царствованіе открыло новую эру въ исторіи отношеній между Востокомъ и Западомъ, и можно сказать, что для пониманія отношеній между греками и латинянами въ продолженіе всего XII вѣка и событій, окончившихся трагическою экспедиціей 1204 года, нужно обратиться къ первоначальнымъ отношеніямъ между греками и спутниками Готфрида Бульонскаго. Съ точки зрѣнія византійской имперіи царствованіе Алексѣя I также очень важно. Вступленіе Комнина на престолъ положило конецъ анархіи, которая въ теченіе всего XI вѣка господствовала и особенно благоприятствовала нападеніямъ варваровъ, сосѣдей Византіи. Алексѣй возвратилъ имперіи большую часть ея прежней территоріи и подготовилъ славныя царствованія Іоанна и Мануила Комниновъ (*Avant-Propos, p. I*).

Во введеніи авторъ даетъ сжатый перечень главнѣйшихъ источниковъ для времени Алексѣя I, греческихъ, латинскихъ и восточныхъ (р. III—XIV). Отмѣтимъ, что на двухъ источникахъ Шаландонъ останавливается подробнѣе: на Алексіадѣ Анны Комнины (р. VII—XXII) и на сочиненіяхъ болгарскаго архіепископа XII вѣка Теофилакта, который даетъ много интересныхъ свѣдѣній, особенно по внутренней исторіи (р. XXIII—

XXVIII). Въ этихъ двухъ экскурсахъ видна самостоятельная работа автора, который многимъ частностямъ предлагаетъ свое рѣшеніе.

Конечно, большая часть книги посвящена внѣшнимъ событіямъ (р. 21—276), которыя излагаются весьма ясно и наглядно. Обзору администраціи посвящена лишь одна послѣдняя десятая глава (р. 277—320), гдѣ авторъ дѣлаетъ попытку дать всесторонній обзоръ внутренней дѣятельности Алексѣя: возстановленіе арміи и флота, повлекшее за собою увеличеніе налоговъ, отобраніе монастырскихъ земель и все увеличивавшуюся строгость и жестокость при сборѣ податей; здѣсь же авторъ говоритъ о церковной политикѣ Алексѣя, который является защитникомъ православія. Обзоръ и оцѣнка внутренней дѣятельности того или другого императора бываетъ всегда наиболѣе трудною задачей для изслѣдователя; для вполне яснаго и опредѣленнаго представленія о такой дѣятельности надо быть близко знакомымъ съ эпохой предыдущей и послѣдующей, что возможно при подобныхъ монографическихъ работахъ, какъ работа г. Шаландона, только въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ и у французскаго изслѣдователя въ его экскурсахъ въ болѣе ранніе періоды времени уже не видно особой самостоятельности; здѣсь онъ пользуется готовыми результатами предшествующихъ ученыхъ, преимущественно русскихъ: напр. по поводу налоговъ вообще въ Византіи трудами В. Г. Васильевскаго, а по вопросу о дѣлахъ церковныхъ, особенно по процессу Іоанна Итала, работою Ѳ. И. Успенскаго. Страницы же, посвященныя вопросу о внутренней администраціи самого Алексѣя, имѣютъ скорѣе видъ описанія, чѣмъ изслѣдованія.

Въ изображеніи г. Шаландона, общая оцѣнка дѣятельности Алексѣя является для послѣдняго въ высшей степени благопріятной. До сихъ поръ Алексѣя Комнина судили съ точки зрѣнія его отношеній къ крестоносцамъ и не воздавали должнаго тому дѣлу, которое онъ выполнилъ. Достигнувъ власти при условіяхъ чрезвычайно трудныхъ, когда имперія подвергалась нападеніямъ со стороны сосѣдей, онъ сумѣлъ дать отпоръ норманнамъ, печенѣгамъ, туркамъ, крестоносцамъ. Всѣ сосѣди старались воспользоваться его слабостью, чтобы вырвать у него нѣкоторыя провинціи. Алексѣй сумѣлъ воспротивиться всѣмъ, и его царствованіе знаменуетъ собою время остановки въ процессѣ паденія Византіи. Повсюду враги грековъ отступили. Съ территоріальной точки зрѣнія былъ даже замѣтный прогрессъ. Онъ добился этихъ выгодъ какъ переговорами, такъ и оружіемъ. Алексѣй былъ ловкимъ дипломатомъ. Его сильно упрекали за его поведеніе съ крестоносцами. Но, по мнѣнію автора, вѣроломство послѣднихъ является болѣе очевиднымъ, чѣмъ вѣроломство Алексѣя.

Комнинъ смотрѣлъ на себя прежде всего какъ на византійскаго василевса и дѣйствовалъ, по возможности, въ видахъ интересовъ своего государства. Крестоносцы нуждались въ немъ, а онъ старался извлечь изъ этого положенія то, что соответствовало интересамъ страны. Онъ сумѣлъ избѣгнуть столкновенія съ латинянами передъ Константинополемъ и тѣмъ

самымъ предохранить Византію отъ участи, которую она должна была испытать въ 1204 году. Только благодаря своей политической ловкости, почти безъ войскъ, онъ оказалъ сопротивленіе латинянамъ и добился того, что начальники крестоваго похода дѣлали то, что онъ хотѣлъ.

Внутри Алексѣй старался сдѣлать свою власть абсолютной. Онъ хотѣлъ основать династію, и поэтому онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ могуществомъ партій. Онъ старался уменьшить вліяніе сената и военной партіи. Всякій разъ, когда онъ могъ, онъ принималъ самъ главное начальство надъ войсками для избѣжанія того, чтобы какой нибудь вождь, благодаря своимъ успѣхамъ, не сдѣлался популярнымъ. Онъ хотѣлъ установить единство въ имперіи; для этого онъ старался поддерживать неприкосновенность вѣры; онъ стремился всегда въ цѣляхъ религіозной пропаганды повысить моральный уровень духовенства. Съ точки зрѣнія матеріальной его царствованіе было тяжелымъ бременемъ для всѣхъ, что являлось необходимымъ слѣдствіемъ постоянныхъ походовъ, которые онъ вынужденъ былъ предпринимать. Но изъ его актовъ видно ясно, что онъ дѣлалъ все возможное, чтобы это бремя было раздѣлено поровну между всѣми. Современники Комнина впрочемъ воздавали должное его дѣлу; изъ того простого факта, что, не смотря на интриги придворной партіи, сынъ его Іоаннъ смогъ наследовать ему безъ революціи, видно, какое уваженіе къ себѣ сумѣлъ внушить Алексѣй въ Византіи. Можно сказать, что Алексѣй былъ однимъ изъ тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ византійская имперія часто встрѣчала въ моменты, когда она въ нихъ нуждалась. Онъ сумѣлъ остановить на время медленное распаденіе столь разныхъ элементовъ, изъ которыхъ была образована имперія. Счастливые результаты его царствованія переживутъ Алексѣя при его сынѣ Іоаннѣ, и дѣло его будетъ вновь взято и продолжено Мануиломъ Комниномъ (Conclusion, p. 321—323).

Въ приложеніи (p. 325 — 336) авторъ еще разъ старается освѣтить вопросъ по поводу пресловутаго письма Алексѣя къ графу Фландрскому, надъ которымъ трудились такіе ученые, какъ В. Г. Васильевскій, Riant, а въ послѣднее время Nagelschuer, и приходили къ различнымъ результатамъ. Шаландонъ дѣлаетъ попытку дать среднее рѣшеніе вопроса: не признавая ни полной подлинности письма (Васильевскій), ни полной подложности (Riant), онъ дѣлитъ письмо на три части, изъ которыхъ средняя безусловно подлинна, а первая и третья подложны. Рѣшенія вопроса въ окончательной формѣ не дано, и письмо Алексѣя къ графу Фландрскому все еще остается въ нѣкоторой степени загадкою въ византійской исторіи.

Итакъ царствованіе Алексѣя Комнина нашло себѣ серьезнаго и аккуратнаго монографиста. Въ особую заслугу автору надо поставить то, что онъ сдѣлалъ для выясненія значенія Алексѣя для византійской исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. не разсматривалъ его лишь съ точки зрѣнія отношеній къ крестоносцамъ, на что преимущественно обращали вниманіе до сихъ поръ. Прекрасное знакомство съ источниками и лите-

ратурой вопроса, а также умѣнье пользоваться ими, одинаково принадлежатъ къ положительнымъ сторонамъ работы.

Пожелаемъ талантливому автору продолжить съ такимъ же успѣхомъ монографическое изученіе слѣдующихъ Комниновъ, которые въ этомъ особенно нуждаются.

А. Васильевъ.

Charles Diehl. *Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siècle.* Paris, Ernest Leroux éditeur. 1901, XL+696 стр. 4°. (Monuments de l'art byzantin publiés sous les auspices du ministère de l'instruction publique et des beaux-arts).

Профессоръ парижскаго университета Шарль Диль является въ настоящее время наиболѣе глубокимъ, наиболѣе серьезнымъ и талантливымъ представителемъ византиновѣдѣнія во Франціи. Всѣ предыдущіе труды автора, начиная съ «Etudes d'archéologie byzantine» (1886 г.) и «Etudes sur l'administration byzantine dans l'Exarchat de Ravenne» (1888 г.), уже въ достаточной степени показали тѣ положительныя стороны, какими вообще отличаются работы Дилья: критическое и внимательное изученіе по возможности всѣхъ источниковъ, письменныхъ и монументальныхъ, прекрасный методъ и необыкновенно блестящее безъ излишней напыщенности изложеніе. Этими же качествами отличается появившійся въ 1901 году обширный трудъ Дилья «Юстиніанъ и византийская цивилизація въ VI вѣкѣ».

Какъ ни странно, но до сихъ поръ VI-й вѣкъ византийской исторіи, надъ которымъ всецѣло доминируетъ время Юстиніана Великаго, не нашелъ себѣ достойнаго изслѣдователя. Старая, лишенная научной критики французская книга F. Isambert «Histoire de Justinien» (Paris, 1856) уже давно никакого значенія не имѣла. Нѣсколько монографій, касающихся различныхъ вопросовъ изъ эпохи Юстиніана и иногда недурныхъ, пробѣла не восполняли. Между тѣмъ въ послѣднее время снова былъ поднятъ пресловутый вопросъ о Тайной Исторіи Прокопія, главнаго источника для времени Юстиніана; сразу съ нѣсколькихъ сторонъ начали издавать его сочиненія; появились въ переводахъ источники восточныя; изученіе источниковъ монументальныхъ сдѣлало громадный шагъ впередъ. Наука настоятельно требовала пересмотра стараго и переработки новаго матеріала. За эту задачу взялся и блистательно ее выполнилъ Шарль Диль.

Въ введеніи къ своему труду Диль даетъ обзоръ источниковъ, сначала историческихъ: греческихъ (исторій, хроникъ, житій святыхъ, географовъ и т. д.), латинскихъ и восточныхъ (сирійскихъ, эіопскихъ, арабскихъ); затѣмъ идутъ источники юридическіе и дипломатическіе, литературные (письма, богословскія произведенія, рѣчи, поэты), монументальные (pp. I—XL). Наибольшее вниманіе, какъ и нужно было ожидать, авторъ обращаетъ на Прокопія и въ своемъ сужденіи о «Тайной Исторіи»